

Просто писатель!

Приехала к Тамаре Черемновой на интервью в дом инвалидов и ахнула: Тамара Александровна разъезжала по комнате в новенькой электронной коляске. У писательницы действуют только пальцы правой руки, и теперь коляска резво бежит по

комнате и коридорам, помогая владелице жить и творить. Тамара Черемнова, с рождения страдающая тяжелой формой ДЦП, обладает удивительной силой духа, которая помогла ей преодолеть несправедливый диагноз и равнодушие окружающих. Ныне она член Союза писателей России, автор более десятка книг для детей и взрослых, в её честь проходят творческие вечера, а в Интернете она одна из самых читаемых и обсуждаемых авторов. “Кузнецкий рабочий” не раз писал о ней. А недавно на полках новокузнецких книжных магазинов появилась её автобиографическая книга “Трава, пробившая асфальт”. Об этом жестком и честном произведении, а также о творчестве, жизни и любви был наш разговор.

Состоянию нехотения я не уступаю - Вы начали писать художественные произведения, чтобы опровергнуть несправедливый диагноз?
- Действительно в 1985 году, имея диагноз “олигофрения в стадии дебильности”, я

поставила задачу опровергнуть его. Доказать, что понимаю подтекст, могу его создавать. Олигофрены, следуя медицинским характеристикам, подтекст понимать не могут. Задача была выполнена. Сначала добилась перевода из психоневрологического интерната в обычный дом инвалидов, потом снятия диагноза, и это параллельно с писательской работой. Борьба подстёгивала творчество. Талант спал, а потом пробился. Да без него не получилось бы! А уж когда вышла первая книга, появился азарт. И самолюбие сыграло. Если остановлюсь, то какой же писатель из меня выйдет. Скажи тогда, кем стану, ни за что бы не поверила! Я же вообще прибитая была! Ни образования, ничего! Считать научилась по страницам книги. А теперь я писатель, просто писатель!

- Как, у кого вы учились писать?

- Как училась... После первой книги настал момент - пишу, и ничего не получается! Не знала, как строить сюжет! С нуля! Но до этого много перечитала книг. Неизгладимое впечатление произвел в детстве учебник-хрестоматия по литературе за 4 класс, попавший в руки в детдоме. Разные писатели влияли по-разному. Зинаида Чигарева, замечательная кузбасская писательница, присылала специальные книги. Назову Максима Горького, его сборник статей "О литературе", удивительную книгу Ильи Бражнина "Сумка волшебника". Перечитала "Войну и мир" четыре раза! Экзюпери оставил очень большое впечатление, огромное! У меня не было опыта передать духовное состояние героев в своих произведениях, а начинаешь читать таких авторов и понимаешь, в какой форме это у них, и твоё ли это. Я столько перелопатила, чтобы понять, как строится сюжет, чем начинается и чем заканчивается. Но книги могут научить техническим приемам, но не душевной, духовной стороне творчества. Это своё. Если в человеке не заложено от природы, то нужное не выжать из него ничем. Я увлекалась в юности стихами, изучила размеры, приёмы, технику, а стихов не было. Не моё.

- Говорят, что успех талантливого человека - это 90 процентов труда и лишь 10 процентов собственно таланта.

- Писатель - это человек труда, очень тяжелого. Кончаешь даже малую вещь - опустошение, а уж большую - то вообще. Должно быть умение заставить себя работать. Моменты вдохновения редки. Часто без вдохновения, без желания тащишься к ноутбуку, вздыхаешь, улавливаешь, и постепенно приходит рабочее настроение. Нередко в голове крутится мысль, только положить её на компьютер, а не хочется. И все равно сажусь! Знаю, что нужно закончить, завершаю и сваливаюсь от боли. Состоянию нехотения я не уступаю.

- Как работаете над своими произведениями? Есть ли метод?

- Метод? Сначала вижу что-то такое, что за душу берет. Ночью в голове зреет, от этого момента до написания могут пройти годы, а может, сразу на одном дыхании выйдет задуманное. Всё начинается с мысли. Рассказ "Запоздалый вальс осени" лежал 15 лет, не могла выплеснуть, пустота. Сюжет видела, но никак не могла понять, почувствовать его. Однажды села и на одном дыхании сделала. Свою душу так вытряхиваешь. Править сложно. Вижу, недоработано, сажусь, обрезаю лишнее, но тяжело, потому что свое. А иногда просто герои, о которых я пишу, ведут себя независимо от меня, потому что это уже их жизнь, я только пишу.

- Ваши сказки, в чем они соответствуют жанру? В них есть чудо?

- Фантазия. Чудес в них мало, там всё-таки действуют земные законы, особенно в маленьких сказочках для детей, там реальные события просто преподнесены в сказочной форме. Я долго не соглашалась работать над сказками для совсем маленьких ребят, от двух до четырех лет. Боялась, не было опыта, не представляла, как писать. Пришла к выводу, что нужны короткие и яркие сюжеты. Вот, к примеру, про кота Мурзика. Постаралась, чтобы жизнь животного была понятна ребенку, чтобы сказка несла одновременно обучающий характер. Дети из книг учатся воспринимать мир! Для малышей уже готова книга маленьких рассказиков про цветочного гнома Динь-Донышка. Есть в перспективе отдельные истории, много историй, но еще нет договоров на

публикацию. Сейчас на первом плане перевод книги “Трава, пробившая асфальт” на английский язык, его вот-вот должны закончить.

- Какой он, ваш взрослый читатель?

- У меня нет представления о читателе. Выкладываю вещь так, как сама её вижу, и не думаю, как воспримут. Раньше, когда только начинала, беспокоилась, как написанное мною увидит другой человек, старалась понравиться читателю, а сейчас, с опытом и возрастом, могу поспорить с ним, настоять на своем! В процессе работы зависимость от читателя проходит. Если ты по-настоящему работаешь, то неважно для кого. А когда хочешь понравиться, это ограничивает тебя. Допустим, мне надо сказать что-то резкое, болезненное, а я смягчаю, не договариваю - значит, вру. Когда я писала “Траву”, то не думала о читателе, просто выкладывала свою собственную жизнь.

Эта книга - оружие

- Произведение “Трава, пробившая асфальт” вы называете вещью.

- Да, это чисто автобиографическая работа, вещь. Там нет ничего придуманного, там только факты из моей жизни. И не надо думать, что слово “вещь” как-то принижает литературное произведение. Вещь - это то, что сделано человеком. Произведение тоже можно назвать вещью. И качество может быть низкое, среднее, высокое.

- Книга очень откровенная. Страшно было вот так “раздеваться” перед миром?

- Не считаю, что я уж так донага разделась перед людьми, просто хотела показать, как у нас инвалид живет, через что проходит, что чувствует. А еще я научилась смотреть на себя со стороны и понимать людей, их реакцию, почему, глядя на меня глазами обывателя, они испытывают шок.

- В книге вы не раз описываете боль от того, что ваши родители сознательно сдали беспомощного ребенка в детдом, в “яму”. Вы их простили?

- Как вы представляете прощение? Если в христианском понимании: простить и опять всей душой открыться для этих людей, то я очень много раз это делала. У них прошла жизнь, у меня еще идет, зачем друг другу портить нервы, портить жизнь, напоминать о чем-то? Можно просто не мстить, не ругаться, не злиться. Я их по-человечески простила. Ко мне приходят совершенно чужие люди, хотя слово “чужие” здесь неуместно, и они становятся ближе, чем мои родственники, такой парадокс.

- Вы не кляли себя за упрямый характер, который заставлял идти на штурм непреступных стен? Были бы поуступчивее, легче было бы жить.

- Нет. Пусть больно, но мне боль открывает такие богатства! Я не боюсь душевной, духовной боли, она мне многое дает. Не было бы чувства достоинства, да я бы на штурм не полезла бы! И не долезла бы! Силы не хватило бы. Не раз завидовали тому, что я, такая вот, на коляске, ничего не получающая от жизни, всегда могла отстаивать своё, человеческое. С детства была упрямой. Именно характер и стал моим спасением, то, что заложила Природа. Ну не знаю, откуда он такой взялся.

- Если бы была возможность прийти, положить книгу “Трава, пробившая асфальт” на стол и сказать: читайте! Кому бы вы её предложили?

- В первую очередь, медицинским чиновникам, потом медработникам, эта главная категория людей, которые должны знать. Они должны увидеть свои такие карябающие недостатки, карябающие людей, с которыми они работают. Я там много показываю врачей, которым просто не надо было становиться врачами. Им не надо было бы работать не только с инвалидами, просто с людьми. Возможно, с машинами или вон метлу в руки! Прежде чем на них тратить деньги и силы, не лучше ли сделать, ну... тест на милосердие. Есть определенные вопросы, на которые человек может ответить, а может и не ответить. В наших институтах это не практикуется почему-то.

- Можно ужасаться условиям в интернатах, можно возмущаться их работниками, но разве главная причина в этом?

- По-моему, здесь дело в нашем обществе, полном незнания и равнодушия к инвалидам. У нас назвали человека инвалидом, то всё, начиная с головы и кончая пятками, он инвалид.

Но ведь мы разные. Сейчас, правда, немножечко этому внимание уделяется, чуть-чуть. Но до сих пор люди годами сидят в четырех стенах. Недавно показывали, как поставили рельсы на лестницу в подъезде, чтобы инвалид спускался и на улицу выходил. И ведь соседи настояли, чтобы рельсы сняли. Человек остался без прогулок, без общения. Даже страшно подумать, попади я в жилой дом и сделай кто-нибудь для меня пандус, найдётся, кому это будет мешать. Я писала, у нас в обществе нет культуры общения с инвалидами.

- В книге вы повторяете, что люди здоровые часто не понимают своего счастья быть здоровыми.

- Да, да! Это такое счастье быть здоровым! Представляете, человек по каким-то причинам лежит прикованный к постели временно, но у него есть надежда, что он снова встанет, вернется к тому состоянию, в котором жил. А вот быть всю жизнь такой: без надежды, что встанешь, пройдешь по траве, без надежды вообще ощутить себя независимым ни от кого... Я завидовала дереву, что оно самодостаточно. Оно вольное было! Оно было такое вольное, это дерево! Зависимость: придут - не придут, покормят - не покормят. Это самое тяжелое, даже сейчас такое есть.

- Скажите, а были.. наверняка, были ситуации, когда хотелось ударить.

- Были, были, даже сейчас возникают иногда. По башке дать, чтобы человек понял. Понял, что он орет, зачем, что делает! Были, да... и будут еще не раз.

- Вы в книге говорите спасибо и добрым людям, и злым, встретившимся в жизни.

- Добрые люди помогли добротой, встречи со злыми закалили характер. Можно благодарить даже за это, просто дорости надо. Нельзя благодарить за равнодушие. Равнодушие не может принести пользу, это самое страшное, что есть в человеке.

- В своей автобиографической вещи пишете, что долгие годы вели войну за право быть человеком. Какие правила у этой войны?

- Иногда: очень часто эта война без правил. Раньше считалось, наша страна самая человечная, что у всех людей есть права. Но я не видела этих прав. Мне до сих пор приходится за них воевать. Я победила в том смысле, что стала писателем. Победила себя, свою слабую сторону, а войну за права человеческие еще не окончила. Недавно к нам пришел новый директор, ему вопрос задала: разве я сама за себя не могу ответить? То, что я здесь живу, разве лишает меня права за себя отвечать? Он головой помахал, наверное, имел в виду, что они все здесь за нас решают. Интересно, правда? Я хотела бы за себя отвечать. Я всю жизнь за это воевала, и, оказывается, что даже сегодня меня в ту же лужу садят, из которой столько лет выкарабкиваюсь. Так что эта война для меня не закончилась. И вряд ли закончится. Я умру, а книга "Трава, пробившая асфальт" еще будет воевать, еще сколько-то лет. Эта книга - оружие. Её очень многие, надеюсь, будут брать на вооружение, отстаивать с её помощью свои права и возможности.

Сомневаться не буду

- Первая книга "Из жизни волшебника Мишуты" 1990 года, вероятно, даже сейчас самая главная в жизни.

- Да, я думаю, что это самая большая победа в моей жизни. Вы не представляете, сколько она в меня сил вложила. До сих пор хватает. Не было бы её, и меня, наверное, тоже уже не было бы. Я когда рукопись отдала в издательство, ждала результата, сама себе говорила: если будет провал, то всё, мне моя жизнь не нужна, понимаете? Так много было вложено в эту книжечку, это самая главная, самая большая соломинка для меня тогда. Ну и что, что соломинка, которая может переломиться? Но ведь она выдержала, я выкарабкалась!

- Знакомишься с вашей жизнью и сначала думаешь: не повезло человеку, и тут ему не повезло, и здесь тоже. А потом вдруг читаешь у вас, что "это всё было так и задумано свыше".

- Да, именно такой вывод я сделала по отношению к своей жизни. И обижаться, по крайней мере на Бога, не стоит. Я в этом состоянии приобрела больше, чем даже если бы здоровой была. Моя душа вот в таком теле очень много получила. Я, конечно, не

соглашалась на эту жизнь. Меня никто не спрашивал, она сразу дана была такая. Я могла её отвергнуть, наложить на себя руки. И пыталась, но что-то останавливало свыше.

- Было дано скорбное физическое тело, чтобы совершенствовалась Душа?

- Вероятно. Скорее, да. Да! И потом, когда стала работать, когда стало что-то получаться, поняла, что смогу своею жизнью показать другим, что и такой человек, как я, даже в таком состоянии, может всё преодолеть. Почувствовала эту миссию. Выражение: хочу, могу, значит, должен, - это вот точно про меня. Я так привыкла к борьбе, что если вдруг не будет стены, которую нужно пробивать... Когда исполнялось страстно желаемое, то, чем жила, чувствовала пустоту, терялась, не знала, что же дальше делать. Даже не могу разобрать: что страшнее - стена или пустота. Но я ведь продолжаю борьбу, пустота исчезает и вырастает стена! Нахожу её сама, как баран новые ворота! Если по какой-то причине я не буду бороться, то и жизнь закончится. Жизнь - это же движение, это борьба, не будет борьбы, не будет жизни.

- Эта борьба очень тяжело даётся, причём в прямом физическом смысле. Вам доступна только возможность нажимать пальцами правой руки.

- Тяжело, действительно. Годы ушли, чтобы приспособиться, я и диктовала, и мучительно долго осваивала пишущую машинку. А теперь я счастлива оттого, что приновилась печатать на компьютере сама. Попробую сейчас продемонстрировать. (Показывает, как зажимает левую недействующую руку за спиной, правую прижимает ногой, чтобы не дергалась, и боком-боком свободными пальцами надавливает на клавиши ноутбука). Сейчас дело пошло быстрее, ко мне раз в неделю приходит помощница Диана Лизунова, она пишет под диктовку. Сначала было сложно. Ведь я когда пишу, сначала подумаю, потом уже излагаю мысли. Но работа двинулась, да еще как. Просто надо сконцентрироваться на том, что хочешь высказать, тогда всё получится. Но нужно еще до диктовки осмыслить, сформулировать, и только тогда процесс идёт довольно быстро.

- Вы говорите, что для вас счастье - это востребованность как писателя, но у счастья много вариантов. Я нашла только одну фразочку, маленький намёк: “у меня тоже может щемить о ком-то сердце...”

- У меня не только щемило, ревела, как... Счастье личное... мне это только горечь принесло в жизни. Испытала такое разочарование и даже, как вам сказать, жестокость, да, может быть, это точное слово. Жестокость. Но, слава Богу, это не убило во мне до конца женщину. И с этим справилась, научилась радоваться. Мужчин не возненавидела, нет, нормально к ним отношусь. Радуюсь, когда мне звонит друг по телефону и мы разговариваем часами! Научилась радоваться такому общению. Оно мне очень много дало: и радость, и понимание, что я кому-то нужна, и в трудных ситуациях, и вообще. Как друг, как женщина. Хотя вначале испугалась этого знакомства, так испугалась, что решила прервать эти переговоры. А потом убедила себя, что я тоже имею право радоваться.

- Кого из помогавших вам людей вы выделили бы особенно?

- Ольга Зайкина, москвичка, кандидат биологических наук, помощник один из первых. Кузбасская писательница Зинаида Чигарева. Когда я была никому не известна, сама не верила в своё будущее, она поверила в меня. Писательница Маша Арбатова много сделала для моего вступления в Союз писателей, при её содействии была создана медицинская комиссия, снявшая с меня ужасный диагноз “олигофрения в стадии дебильности”. И в создании книги “Трава, пробившая асфальт” она принимала большое участие. Видимо, Бог посылает мне таких людей, помощников. И откуда бы им взяться, а появляются!

- Вы участник многочисленных писательских конкурсов и обладатель наград.

- Сегодня самыми важными наградами являются выход книги “Трава, пробившая асфальт” и победа на конкурсе “Русский Stil-2011” в Германии. Я заняла второе место в конкурсе, после чего меня приняли в Международную гильдию писателей. А ведь там среди участников было много профессиональных писателей. Смешно, живу в четырех стенах, добилась таких званий, самой не верится.

- Вы что же, до сих пор не относите себя к профессиональным писателям?
- Есть такое! Иногда верю, иногда не верю. Такое двойное чувство к этому. У меня всё еще понятие живет, что писатель - тот, кто встречается с читателями напрямую, кто везде ездит, выступает со сцены. Хотя встречи, поездки - это последствия писательской работы. Писатель прежде всего сидит и работает, пишет. Но я очень хочу такие встречи, хочу видеть лица читателей, как они реагируют, их вопросы услышать.
- А если кто-то из них решит с вами поспорить? Автобиографию вы заканчиваете фразой "Жизнь удалась". Скептики не заставят вас сомневаться в сказанном?
- Теперь никто не заставит. У меня есть доказательства: книги, изменённый диагноз, люди, поверившие мне, уважающие и любящие меня. Жизнь удалась, и нет, сомневаться не буду!

Автор: Записала Татьяна Эмих